

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ

Мария
АНУФРИЕВА
КАРНИЗ



МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А73

Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Издательство выражает благодарность
Ирине Горюновой за помощь
в приобретении прав

Ануфриева, Мария Борисовна.

А73 Карниз / Мария Ануфриева. — Москва :
Эксмо, 2015. — 288 с. — (Лауреаты литера-
турных премий).

ISBN 978-5-699-82813-5

Карниз — это узкое пространство, по которому трудно и страшно идти, сохраняя равновесие. Карниз — это опасная граница между внутренним и внешним, своим и чужим, ее и его одиночеством. И на этом карнизе балансируют двое — Ия и Папочка. Отношения их сложные, в чем-то болезненные. Ведь непросто быть любовницей свободолюбивого, вздорного, истеричного человека.

Об этом романе можно спорить, принимать его или ненавидеть, поскольку он хирургическим скальпелем вскрывает чудовищные, болезненные нарывы, которые зачастую благопристойно драпируются под одеждой, но равнодушным он не оставит никого.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ануфриева М., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-82813-5

В ней с детства как будто умещались две девочки: мечтательная тихоня с пухлой книжкой на острых коленках и бесшабашная пацанка с растрепанными косами, верхово-дившая окрестными сорванцами. Пятерки за домашние задания соседствовали с жирными двойками по поведению. Она поила кукол чаем, а потом неслась на улицу и вела малолетнюю банду войной на соседний двор. Когда выросла, девочки утомонились и лишь изредка, не утерпев, лезли в ее отношения с мужчинами, нашептывая: «Включай очаровательную глупышку — нет! — врубай стерву», и, надо сказать, редко ошибались. А уж когда она влюбилась, обе умолкли, такого не ожидали даже они. Ия оказалась женщиной с изюминкой.

Изюминки, если вдуматься, есть у всех. Над кем-то создатель задумался и просыпал целую пригоршню. У одного они легли в сердцевину, а сверху — толстый слой теста, и не

скажешь, что внутри есть изюм. У другого лежат на поверхности, а откусишь — одно тесто.

«Мне так хотелось, чтоб люди хотели иначе. Вот незадача — попала сама под разгачу», — напевала под нос Ия слова из песни только входившей тогда в моду певицы Земфиры и смотрела на картинку с кошкой, пришпиленную иголкой к стене.

Кошка идет по краю серой покатой крыши. Мягко пружинят лапы, глаза прикрыты, зажмурены, будто от удовольствия, и не смотрят вниз. Под кошкой квадраты дворов, нити узких улиц, перекинутые крест-накрест ленты широких проспектов и крыши, крыши, крыши. Высоко забралась кошка, но крыша под ней изгибается или обрывается — этого уже не видеть, картинка заканчивается волнистым краем. Замерла кошка на краю и словно трогает лапой тонкую иглу шпиля далекой крепости. То, что крепость называется Петропавловской, Ия сперва не знала. Она эту картинку еще в Новотитаровке из журнала выдрала.

Ия по-турецки сидела на письменном столе и в такт певице постукивала пальцами по учебнику «История философии». На его обложке были изображены элегантные французские интеллектуалы Камю и Сартр и ши-

роколобий, с волнистой бородой, мужик. Имя его, как сообщал учебник, Аристокл. Это за косую сажень в плечах к нему приклеилось греческое Platos.

Ноготь оставлял тоненькие следы полумесяцем на глянцевого лице Платона-Аристокла, но она не замечала, что портит учебник и широкий лоб ученого мужа, и все отбивала и отбивала такт: *«Ромашки-и-и... Дурной мальчишка ушел, такая фишка, нелепый мальчишка»*. Нелепо переживать, когда уходят, тем более дурные, тем более мальчишки. Это она права.

Земфира ей определенно нравилась. В ночном эфире популярной городской радиостанции шла запись интервью, которое перемежалось песнями с ее первого, готовящегося к выходу альбома.

Разные имена бывают на свете. Вот певицу Земфирой называли. Земфира-Зефира. Должно быть, не сладко жилось ей с таким именем, пока звездой не стала. Потом-то уже плевать. Готовое имя для сцены, цыганское будто, и выдумывать ничего не надо.

Ее наградили именем — Ия. Называли бы хоть Ая или вот общеупотребительно: Оля... О-ля, О-ля. Много Оль хороших на свете встречается, а вот имя — пустышка, дырка от бублика.

Отец-то хотел назвать ее Лаума, но мама воспротивилась, мол, ведьмы только нам не хватало. Мама с рождения в Латвии жила и в языке, слава богу, разбиралась. Про ведьму, конечно, никто бы не вспомнил, но дразнили бы ее в школе: а) Вайкуле, б) лучше не думать. «Лаумой» называлась фабрика нижнего белья в родной Лиепе.

Может, имя этой фабрике и помогло выстоять тогда, когда почти все заводы в их городе остановились. И отцовский машиностроительный, и мамин завод детских колясок давно закрылись, а трусики и лифчики «Лаумы» до сих пор нараххват.

Родители никогда не ссорились. Жили в согласии до тех пор, пока однажды не расстались навсегда. Но тогда до крушения страны, зацепившего и обрушившего их семью, крепость которой не прошла проверку безработицей, еще далеко было, поэтому назвали дочку компромиссно и даже немного под стать любимому городу — Ия. Впрочем, это не избавило ее от чертовинки в характере, как будто предугаданной не сумевшим настоять на своем родителем.

«Ия из Лиепай», — так она порой и представлялась до сих пор, хотя где теперь Лиепая и где она... Но «Ия из Новотитаровки» звучало бы совсем погано.

Все ее существо восставало против этого чужого корявого названия, которое клеймом прописки в паспорте имело теперь к ней прямое отношение. Зато гражданка Российской Федерации. Сама сбежала от бабушки, к матери с отчимом на Кубань пожаловала, чтобы школу в России закончить. Они тогда дом новый отстроили и братиком ее наградили. Но не переплюнули оставшегося в Лиепе отца — тому молодая жена родила двух погодок.

Так у Ии появились три брата и пропала семья, а потом и родина. Став россиянкой, к бабке в Лиепая студентка из Петербурга приезжала как иностранная гостья, по приглашению.

Дома, в Латвии, русских притеснять стали, и казалось, никаких перспектив, а вот теперь, говорят, в ЕС их примут. Если так, выходит, она будущую Европу на деревню променяла, патриотка хренова. А она не в Россию хотела, а просто к маме.

В той, лиепайской еще школе, приклеилось к ней имя Изаура с легкой руки классной руководительницы. Сериал «Рабыня Изаура» шел, а она всегда смуглой была, черноволосой, а тогда кожа вообще желтизной отливала.

— Гляди-ка, ну прямо вылитая Изаура, — сказала их классная на обеде в столовой учил-

ке из параллельного 4 «Б». Та стояла через три стола, за которыми сидели все четвертые классы школы, и, услышав, закивала головой:

— Еще и косички вон черные по бокам!

Классы заржали и принялись выискивать дона Леонсио, но среди розовощеких мальчиков с белыми, как лен, волосами так и не нашли.

Через неделю в классах объявили карантин, потому что Ию отвезли в больницу, определив желтуху, но это уже не имело никакого значения. Она стала Изаурой и, вернувшись через два месяца в класс, немедленно познакомилась со своим четвертым «В» со всем, чему сама научилась в детской больнице: петь матерные частушки и аккомпанировать себе «тюремной музыкой». Пацанка внутри нее ликовала. Костяшками пальцев отбиваешь удалой ритм на краю парты: гоп-ца-ца, гоп-ца-ца...

Это умение потом не раз пригождалось ей в жизни для того, чтобы разбавить пресность какой-нибудь шибко благородной компании. А первый раз в Новотитаровке понадобилось, когда далекие от политеса акселераты-одноклассники пытались цаце из Прибалтики свои понятия внушить. Она через это «гоп-ца-ца» и выпитую бутылку домашнего вина тогда почти в доску своей стала.

Совсем своими девчонки становились на доске. На досках, вернее, в покосившемся сарае на краю станицы. Он бесхозный, что ли, был, открыт всегда. Там и компании гудящие собирались, и парочки забредали. Дурная слава об этом сарае шла.

После выпитой бутылки и ее туда зайти тянули, но островки здравых мыслей, дрейфующие в голове посреди разлившегося винного океана, подсказали ватным ногам дорогу в обратном направлении, к дому.

— Че ты ломаешься, опытная же телка, сама говорила, — подловил ее на перемене следующим днем Рогатый.

Настоящий казачина, и даже челка его висла и складывалась сама собой в замысловатый чуб. Димка Рогатый его звали — да, это она помнит, хотя память ее имела быстрое свойство выкидывать то, что держать в голове не хотелось. Но Рогатого — помнит, куда уж деться, как-никак первый ее мужчина. И главное, зачем...

Чтобы не хуже других, чтобы не в грязь лицом. И потом, сама так круто себя держала в компании Рогатого после бутылки вина: дескать, ничем меня не удивишь, я и не только «гоп-ца-ца» умею, все уже давно у меня там, в Прибалтике, случилось, и даже неинтересно

мне, такой просвещенной в пикантных вопросах девушке, с вами тут, колхозниками, в хлеву барахтаться.

Подловил ее Рогатый на слове, подловил. Пришлось крутизну свою доказывать. Там, в этой Новотитаровке, все с ног на голову было, чем хуже — тем лучше. Что ж, почти по Достоевскому. Ну, Федор Михалыча-то она позже, конечно, к сараю притянула, когда уж поняла, что Рогатого из памяти не стереть, как прочих других. Впрочем, другие уже не в Титаровке были, а когда она стала свободной взрослой женщиной-студенткой.

Интересно, Рогатый-то понял, что первый у нее, или слишком пьян тогда был? Неделю он за ней увивался, все доказательств опыта просил. Может статься, и не допросился бы, но потом ее и девки-ровесницы уже подкалывать стали. В выпускном классе, а парня своего нет. Ну и что, что только приехала, опытная женщина в таких делах не мешкает. Хихикали и многозначительно кивали на Рогатого: гляди, как за тобой таскается.

Под давлением общественности, можно сказать, Рогатый и стал ее парнем. На первом же свидании в сарае навалился как боров, подмял, пыхтел, елозил, сопел в ухо, потом

разогнался, будто дрова рубил. Она от боли даже красиво, глубоко, как в однажды смотренном у подружки видеофильме, стонать забыла. Только дышала как-то по-собачьи, верхом легких, и неудобно упиралась головой в стену сарая.

Это на урок физкультуры было похоже — так же бессмысленно, потно и все не кончается. Вот когда сочинение пишешь или контрольную по физике списываешь, так будьте-нате, звонок тут как тут. А в вонючем спортзале под прицелом мяча в феноменальной по своей тупости и незнающей географических преград игре «перестрелка» время замирает, урок все длится, мяч все бьется о стенку или об тебя, если не увернешься.

Вот и тут Рогатый раскачивался на ней, как на станке или на козлах, бился об нее своими мохнатыми твердыми ляжками и в нее тем, что она и различить не могла из-за разливающейся по животу ноющей боли.

Но даже самый длинный, спаренный из двух, урок когда-нибудь заканчивается. Звенит звонок, и можно бежать в раздевалку. Рогатый сдавленно зарычал, несколько раз отчего-то дернулся и, когда он повалился на нее и сгреб в свои мокрые объятия, она поняла, что мучения позади.

Он еще что-то мычал и, как теленок, лизал ее ухо, когда она уже вежливо, но настойчиво проталкивалась к выходу из-под него, ведь урок физкультуры закончился, зачет вымучен и дольше оставаться в спортзале не имело смысла.

Конечно, она, честно глядя ему в глаза, соврала, что ей понравилось, как врала потом не раз. С каждым последующим разом это было все убедительней: она уже не забывала стонать, извиваться, вытягиваться стрелой, закидывать ноги на плечи и смыкать их на мужской спине. Актриса больших и малых...

И зачем это было ей нужно, нет, ну скажи? Чтобы как все, чтобы никто не догадался.

«Я ворвалась в твою жизнь, и ты обалдела. Я захотела любви, ты же не захотела...» — пела Земфира.

Она тоже ворвется в его жизнь, и он захочет любви. Она уже любит его — на расстоянии, заочно, не видевши ни разу, влюбившись по рассказам. Даже думает о нем стихами, «высоким штилем».

Уже сегодня Ия собиралась встретиться с Папочкой, в жизнь которого мечтала ворваться, хоть никогда и не видела. Ну и что, зато много слышала: у него крутой нрав,

острый язык, крепкий кулак и новая подружка-юрист. Смена баб происходит регулярно. Вообще-то новой подружкой мечтала стать она, а тут — вот незадача, без всякой раздачи.

* * *

Ия жила на съемной квартире в спальном районе Петербурга, квартира была отвратительная, грязная, за стенкой алкаши, а рядом полчища тараканов. Стоило выключить свет, перли из всех щелей. Казалось, что с каждым днем, несмотря на принимаемые меры, их становится все больше и скоро они целиком утвердят свою власть над отдельно взятой квартирой, превратив ее в тараканье Прусское царство. Надо было бежать отсюда, но студенческая стипендия не позволяла. Спасибо, мать с отчимом переводы раз в месяц присылали, а два раза — посылки со знакомым проводником.

При всех своих недостатках квартира имела одно перекрывающее их достоинство — дешевле не сыскать. С юристом тут не потягаешься.

А подружки в универе еще думали, что у нее богатый любовник есть. У некоторых